

Фигура Автора в творчестве Хорхе Луиса Борхеса

Научный руководитель – Костикова Анна Анатольевна

Сазонова Анна Игоревна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философии языка и коммуникации, Москва, Россия
E-mail: annette22saz@gmail.com

Аргентинский писатель, поэт и критик Хорхе Луис Борхес является одной из влиятельнейших фигур в литературе XX века. Наследие Борхеса представлено в виде огромного количества эссе, новелл, стихов и статей, но мы не найдем ни одного романа. Почему? Главным героем романов всегда является какой-то человек, какая-то личность, развитие или падение которой мы наблюдаем на протяжении всей книги. Так как, по мнению Борхеса, личности не существует, то необходимость описывать с помощью литературных средств ее эволюцию тоже отпадает. В работах Борхеса главные роли играют не люди, а ситуации: «События — удел его, Борхеса» [2], поэтому писателю было достаточно формата рассказа.

Одной из первых работ Борхеса была статья, вышедшая в 1922 году под название “The nothingness of personality”, в которой, на тот момент еще молодой писатель, выражает свою точку зрения по проблеме тождества личности: “There is no whole Self” [1]. На протяжении всего последующего творчества Борхес непосредственно не возвращался к этой проблеме, но продолжал придерживаться своей изначальной позиции. Для нас эта позиция важна, потому что проблема тождества личности некоторым образом связана с проблемой Автора. Логично предположить, что раз личности как таковой не существует, то и авторов нет. Все авторы связаны друг с другом и суть воплощения одного единственного Автора. Но почему есть Автор, если нет личности? Можно предположить, что Автор, в отличие от авторов, не наделяется Борхесом характеристиками личности. Автор, Создатель, Делатель, Библиотекарь - это все единая, превосходящая, запредельная сущность. Бог ли это? Вопрос о месте Бога в творчестве Борхеса является отдельной сложной проблемой, которую мы не будем обсуждать в настоящий момент.

Борхес, в определённом смысле, считается предтечей постмодернизма. Например, его рассуждения об авторе и читателе отвечают духу постмодерна. В рассказе «Тлён, Укбар, Orbis Tertius» (1940) Борхес, описывая придуманную планету Тлён, говорит: «В литературных обычаях также царит идея единственного объекта. Автор редко указывается. Нет понятия "плагиат": само собой разумеется, что все произведения суть произведения одного автора, вневременного и анонимного» [6]. Другим примером может служить известный рассказ «Пьер Менар, автор “Дон Кихота”» (1939), в котором Пьер Менар решает отождествить себя с Мигелем де Сервантосом и написать «Дон Кихота»: «Не второго «Дон Кихота» хотел он сочинить — это было бы нетрудно, — но именно «Дон Кихота». Излишне говорить, что он отнюдь не имел в виду механическое копирование, не намеревался переписывать роман. Его дерзновенный замысел состоял в том, чтобы создать несколько страниц, которые бы совпадали — слово в слово и строка в строку — с написанными Мигелем де Сервантесом» [5]. Автором «Дон Кихота» выступает не только Сервантес, но и Менар. Есть точка зрения, согласно которой каждый читатель заново творит текст в процессе чтения, привнося в него новый смысл. Эту же логику можно перенести, в нашем случае, на процесс написания текста Менаром. Как читатель, он прочитал текст по-новому, но пошел дальше и записал это новое прочтение, не изменив при этом ни одной буквы. Но что нас удерживает от предположения, что у «Дон Кихота» может быть еще какой-

нибудь автор, слова произведения которого будут совпадать со словами из двух предыдущих текстов, но сами эти тексты не будут простым копированием друг друга? Можно пойти дальше и предположить, что само произведение Сервантеса - это уже апроприация. Так кто же автор «Дон Кихота», есть ли у него вообще автор? Борхес бы ответил, что у «Дон Кихота» нет автора, но есть Автор, и под Автором понимались бы и Сервантес, и Пьер Менар, и еще великое множество других людей. Автор «Дон Кихота» - это все и в тот же момент никто.

В другом своем эссе «Кафка и предшественники» (1951) Борхес пытается показать, что делает авторов теми, кто они есть. Борхес перечисляет, по его мнению, шесть предшественников Кафки, у которых мы находим что-то от самого Кафки. Суть в том, что если бы не было Кафки, то мы не смогли бы объединить этих писателей и сказать, что у них есть что-то общее. Именно в свете творчества Кафки мы можем о них говорить, как о его предшественниках. В конце эссе Борхес пишет: «Суть в том, что каждый писатель сам создает своих предшественников. Его творчество переворачивает наши представления не только о будущем, но и о прошлом. Для такой связи понятия личности или множества попросту ничего не значат» [4]. Таким образом, можно сказать, что автор не может существовать самостоятельно, вне связи с другими авторами. А раз все авторы настолько взаимосвязаны, что мы не можем раз и навсегда однозначно охарактеризовать чье-то творчество, потому что может появиться новый автор, который прольет новый свет на творчество предыдущего, то позиция Борхеса о наличии лишь Автора становится еще более привлекательной.

Еще одной новеллой, иллюстрирующей позицию Борхеса, является новелла «Память Шекспира» (1983). Речь в прямом смысле идет о памяти Шекспира, которую удалось приобрести главному герою. Не обращая внимание на другие проблемы, затронутые в новелле, можно увидеть, что Борхес хочет показать ту же самую связь, объединяющую всех писателей. Память Шекспира может быть передана одному человеку от другого, для этого достаточно устного согласия обоих. И действительно, нет ничего проще, ведь все авторы суть один Автор, а вся литература - одно произведение этого Автора, поэтому вполне допустимо предположить, что и память у всех писателей в некотором смысле одна.

Одним из самых известных образов Борхеса является образ Библиотеки. Создатель этой Библиотеки, «которую некоторые люди называют Вселенной» [3] есть тот самый Автор. В книгах этой Библиотеки воспроизведены все возможные сочетания двадцати пяти знаков. Некоторые книги состоят из повторов одного и того же знака, поэтому они кажутся нам бессмысленными. На полках Библиотеки можно найти книги, отличающиеся друг от друга лишь одним символом. Что бы человек не написал, это уже есть в Библиотеке: «Это мое сочинение - многословное и бесполезное - уже существует в одном из тридцати томов одной из пяти полок одного из бесчисленных шестигранников - так же, как и его опровержение» [3].

Следуя логике Борхеса, получается, что плагиата нет, потому что все, что написано суть одно произведение одного Автора. В своем эссе «Цветок Колриджа» Борхес пишет: «... пантеист, объявляющий, будто множественность авторов - иллюзия, находит нечаянную поддержку у приверженца классики, для которого подобная множественность попросту не важна. Классический ум видит в литературе единую суть, а не индивидуальные различия. Джордж Мур и Джеймс Джойс включали в свою прозу чужие страницы и пассажи; Оскар Уайлд любил дарить сюжеты друзьям; оба примера, на первый взгляд несводимые, может быть, говорят о сходном понимании искусства - понимание экуменическом, безличном <... > многие годы я верил, что литература - мир едва ли для меня не бесконечный! - воплощается в одном человеке» [7], в том самом Авторе.

Здесь следует упомянуть об излюбленном литературном приеме Борхеса под назва-

ние «ложная цитата». Во многих работах писателя можно встретить множество цитат из несуществующих книг, написанных несуществующими людьми. Что позволяет Борхесу приводить эти цитаты? Но лучше всего задаться вопросом, почему мы решили, что этих книг не существует? Ведь они, может быть, еще просто не были написаны. Однако мы знаем, что даже в этом случае они уже находятся в Библиотеке. Любую наделенную смыслом, или лишённую его фразу, любую последовательность букв можно найти в одной из книг, стоящих на полках этой Библиотеки, созданной Автором. Поэтому, что бы мы не написали - это уже цитата. Даже данный текст - это цитата какой-то книги Библиотеки. И у Борхеса получается бесконечный лабиринт цитат (тексты, которые он приводит), в цитатах (в текстах, в которых он приводит чьи-то цитаты).

Можно сказать, что Борхес является одним из самых загадочных писателей XX века. На протяжении всего своего творчества он создавал свой собственный мир, свой «лабиринт», свою «библиотеку», где все взаимосвязано и составляет единое целое, где полно парадоксов и противоречий, где нет личности, нет авторов, нет отдельных произведений, но есть Автор и Текст.

Источники и литература

- 1) Borges J.L. The nothingness of personality//Selected non-fictions. NY: Penguin Group, 1999. P.3–9.
- 2) Борхес Х.Л. Борхес и я//Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2. СПб.: Амфора, 2011, С.534
- 3) Борхес Х.Л. Вавилонская Библиотека//Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2. СПб.: Амфора, 2011, С.113
- 4) Борхес Х.Л. Кафка и его предшественники//Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2. СПб.: Амфора, 2011, С.423
- 5) Борхес Х.Л. Пьер Менар, автор “Дон Кихота”//Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2. СПб.: Амфора, 2011, С.100
- 6) Борхес Х.Л. Тлен, Укбар, Orbis Tertius//Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2. СПб.: Амфора, 2011. С.90
- 7) Борхес Х.Л. Цветок Колриджа//Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2. СПб.: Амфора, 2011, С.340-341